

ГЛАВА I

МОЙ ПЕРВЫЙ ДОМ

Прекраснее моей родины вы ничего на свете не сыщете. Вообразите замечательный луг с прудом посередине. К прозрачной и вкусной воде склонились деревья. У берегов вытянулся камыш. На глубине цветут лилии. Это дивное зрелище предстало моему взору в тот самый час, когда я впервые себя осознал. Поэтому оно мне особенно дорого.

Луг обрамляла живая изгородь. Когда я бежал вдоль нее, то видел сначала поля, затем густой ельник, потом дорогу и дом хозяина и, наконец, обрыв, под которым журчал ручей.

До того, как я научился есть траву, мама не отпускала меня ни на шаг. Она кормила меня молоком. Когда же мне есть не хотелось, мы могли сколько угодно вместе играть. В жаркие дни мы с мамой устраивались под сенью деревьев у пруда. А сарай возле ельника спасал нас от холода. Золотое и беззаботное детство! Как оно кратковременно!

Едва я немного подрос, мама сказала:

— Теперь, мой милый, ты уже можешь сам пастись на лугу. С завтрашнего дня я снова иду на службу. Наш хозяин совсем без меня замучился.

С тех пор мы с ней виделись только по вечерам. Я по-прежнему проводил целые дни на лугу. Там паслось еще шестеро жеребят. Они были гораздо старше меня. Один из них даже выглядел как настоящая взрослая лошадь. Сперва я очень стеснялся этих больших жеребят. Но потом они сами ко мне подошли.

— Пойдем играть вместе, — предложил самый старший большой жеребенок.

Я пошел. Время мы провели очень весело. Особенно мне понравилось носиться по полю кругами. Мы стали каждый день играть вместе. Теперь я уже не скучал, пока мама помогала на службе хозяину.

Иногда мы с жеребятами совсем заигрывались и от радости начинали лягаться, а иногда даже друг друга кусать. Это было весело и совсем не больно. Но однажды нас за такой забавой увидела мама. Отозвав меня в сторону, она строго сказала:

— Прошу тебя всегда помнить, мой милый: жеребята, с которыми ты играешь, в общем-то неплохие, но потом из них вырастут обыкновенные ломовые лошади. Ни они сами, ни их родители понятия не имеют о благородных манерах. Мы с тобой такого позволить себе не можем. Мы ведь очень породистые. Ты должен знать, что относишься к благородному и древнему роду. Папа твой — самый лучший скакун во всем нашем графстве. Дедушка два раза подряд выигрывал главный приз на скачках в Нью-маркете. А бабушка была самой благовоспитанной лошадью из всех, которых я когда-либо встречала. На мой взгляд, она иногда чересчур уж строго при-

держивалась этикета. Я смотрю на подобные вещи проще, мой мальчик. Но всякой свободе существует предел. Честь рода не позволяет ни мне, ни тебе брыкаться или кусаться. Оставим все это простым лошадям. Конечно, служить тебе еще рановато. Но, когда этот момент настанет, не вздумай отлынивать от обязанностей. Старайся как можешь. Сохраняй чувство собственного достоинства, но будь благовоспитанным. Поднимай на рыси ноги повыше. И никогда не опускайся до того, чтобы кусаться или лягаться. Ты не должен позволять себе такой роскоши даже в шутку, мой милый.

Слова матушки произвели на меня сильное впечатление. Впоследствии мне приходилось не раз убеждаться в ее мудрости и огромном жизненном опыте. К ней все испытывали почтение. Звали ее Герцогиней, но хозяин наш обращался к ней не иначе как Милочка. По-моему, он любил маму больше всех остальных своих лошадей.

Этот хозяин отличался большой добротой. Жили мы при нем просто великолепно. Для каждой лошади и даже для каждого жеребенка у него всегда находилось доброе слово. Он дарил нам ласки не меньше, чем собственным детям. Мы, конечно, тоже его обожали и старались сделать что-то приятное. А мама моя просто души в нем не чаяла.

Едва завидев хозяина у ворот, мама принималась радостно ржать и бежала ему навстречу. Добрый хозяин сперва гладил ее, а потом они заводили беседу. Иногда разговор с моей мамой хозяин начинал с расспросов о моем самочувствии.

— Ну как там, Милочка, поживает твой вороной жеребенок? — интересовался он.

У меня действительно матово-черная шерсть. Мама говорила, что это у нас фамильное. Другие лошади тоже сбегались к хозяину, но столько внимания, как нам с мамой, он не уделял никому. Маме он почти всегда приносил морковку, а мне — корочку хлеба.

Когда требовалась лошадь, чтобы не просто там как-то служить, а помочь лично хозяину, он выбирал мою маму. С гордостью за свой род признаюсь, что ей доверяли самые ответственные дела. Матушка возила хозяина в легком черном кабриолете¹. Даже на рынок.

Но не все люди вокруг были так хороши, как хозяин. Работал у нас на ферме один мальчишка по имени Дик. Он почти каждый день приходил к нам на луг поесть ежевики с кустов живой изгороди. Когда ягоды в него больше не лезли, он говорил:

— Теперь развлекусь чуть-чуть с жеребятами.

Дик кидал в нас камни и палки, а мы бегали галопом по лугу и уворачивались. Мальчишка был просто в восторге. Особенно он веселился, когда попадал в кого-нибудь из нас.

Мне и моим друзьям-жеребятам шуточки Дика удовольствия не доставляли. Но что мы могли с ним поделаться! Дик продолжал бесчинствовать.

Однажды он так разошелся, что совсем не заметил хозяина. Хозяин стоял на соседнем поле и ви-

¹ Кабриолет — легкая двухколесная повозка.

дел все. Он перепрыгнул через забор, схватил Дика за шиворот и отвесил ему затрещину. Дик взвыл от боли. Мы все обрадовались и подбежали поближе, чтобы увидеть как можно больше. Я лично очень рассчитывал, что хозяин заставит Дика бегать галопом по полю и уворачиваться от камней. Но хозяин повел себя с ним по-другому.

— Ты подлый и злой! — сказал он Дику. — Пойдем в дом. Там получишь расчет. Больше ты у меня не работаешь. Никому не позволю жеребят обижать.

С тех пор мы Дика не видели. А старый Дэниел, который за нами ухаживал, к нам относился не хуже хозяина.

ГЛАВА II

ОХОТА

С самого юного возраста мне приходилось наблюдать множество поучительных сцен. Еще не достигнув двух лет, я стал свидетелем трагического события. Вряд ли когда-нибудь мне удастся забыть его. Вот и сейчас. Едва я закрыл глаза, и память отчетливо все воскресила.

Это случилось ранней весной. Ночью слегка подморозило. Наутро луга и ельник окутал густой туман. Мы с жеребятами завтракали травой в нижней части нашего луга. Вдруг издалека донесся собачий лай.

— Это гончие! Гончие! — громко заржал старший жеребенок. — Бежим скорее, посмотрим!

Мы кинулись со всех ног к живой изгороди. За ней до самого горизонта тянулось широкое поле.

Моя мама и еще одна старая верховая лошадь хозяина тоже подошли к живой изгороди. Все вместе мы стали смотреть на поле. Собачий лай становился все громче, но мама и старая верховая лошадь почему-то не удивлялись.

— Это охота, — объяснила мне мама. — Сейчас собаки взяли след зайца. Если он побежит в нашу сторону, ты скоро сам все увидишь.

Не успела она это сказать, как на поле вылетела свора собак. Шум поднялся ужасный. Звуки, которые издавали гончие, лаем назвать было трудно. Скорее это напоминало вопли.

Вслед за собаками показались лошади с всадниками на спинах. На некоторых из всадников были зеленые рединготы¹. Мама мне объяснила, что люди благородного происхождения так всегда одеваются для охоты.

Лошади неслись по полю прекрасным галопом. Старая верховая кобыла хозяина пристально глядела на них и завистливо всхрапывала. Мы, жеребята, тоже не могли оторваться от этой скачки. У меня даже ноги зачесались от нетерпения. В мыслях я мчался вместе с прекрасными скакунами по широкому полю. Но всадники, лошади и собаки были уже далеко. Теперь я едва различал их в дальних полях. Там они почему-то остановились.

— Собаки след потеряли. Теперь зайцу, возможно, удастся уйти, — с надеждой проговорила старая верховая лошадь хозяина.

¹ Р е д и н г ó т — длинный сюртук для верховой езды.

— Какому зайцу? — не понял я.

— Думаешь, я его по имени знаю? — несколько свысока отозвалась старая лошадь. — Наверное, это один из зайцев, которые живут в ельнике. Что за странные существа люди! Им бы только за кем-нибудь гнаться!

Собаки снова истошно залаяли и побежали туда, где под крутым берегом был ручей.

— Смотри! Смотри! — громко зашептала мне на ухо мама. — Сейчас покажется заяц.

Белый заяц и впрямь мчался что было силы по полю. Прежде чем я успел его как следует разглядеть, он скрылся в ельнике. Собаки преследовали его по пятам. Охотники догоняли свору. Вот они поравнялись с ручьем и выслали своих коней на препятствие. Кони легко перелетели на наш берег.

Охота вплотную приблизилась к лугу. Собаки и всадники погнали зайца прямо к живой изгороди. Бедняга попытался пролезть сквозь кусты ежевики. Но они росли слишком часто, и заяц застрял. Тогда он повернул назад, чтобы выбраться на дорогу, но не успел. Гончие с лаем набросились на него. Несчастный крикнул и навсегда затих.

Один из охотников отогнал собак и поднял зайца с земли. Другие охотники внимательно на него смотрели. Вид у них был очень довольный.

Я не мог взять в толк, что тут веселого? Неужели приятно гоняться на лошадях да еще со сворой собак за маленьким зайцем?

Охота меня совсем разочаровала. Я отвернулся и посмотрел на поле. Только теперь я заметил, что,

оказывается, не все благополучно преодолели ручей. Два прекрасных коня были ранены. Один пытался выбраться из ручья, другой корчился и стонал на траве. Один из неудачливых всадников поднялся на ноги. Другой неподвижно лежал на земле чуть поодаль от стонущего коня.

— Этот человек сломал себе шею, — горестно покачала головой моя мама.

— И поделом! — крикнул большой жеребенок.

— Все не так просто, мои дорогие, — возразила мама. — Я уже старая лошадь и многое видела в жизни. Но я, наверное, никогда не пойму, что люди находят хорошего в этом занятии? Во время охоты они часто калечатся сами. У них погибают прекрасные лошади. Даже если этого не случается, они безжалостно вытаптывают посевы на полях. И все только ради того, чтобы догнать зайца или лисицу. Мне это тоже не нравится. Но я не решилась бы осуждать. Мы с вами ведь все-таки не люди, а лошади. Быть может, мы просто чего-то не понимаем.

Мы с жеребятами слушали маму и смотрели на поле. Остыв от погони, охотники заметили, наконец, что случилось. Наш хозяин первым поспешил на помощь. Молодой охотник по-прежнему лежал на земле и не двигался. Хозяин попытался приподнять его. Голова и руки охотника безвольно болтались из стороны в сторону.

— Жизнь из него ушла, — грустно заметила мама.

Охотники тоже встревожились. Стало вдруг очень тихо. Даже собаки умолкли. Молодого охотника перенесли в дом хозяина. Позже я выяснил, что этого

бедного юношу звали Джордж Гордон. Он был единственным сыном местного сквайра¹, и родители им очень гордились.

Охотники вскочили опять на коней и поскакали в разные стороны. Один поехал за доктором, двое других — сообщить горестную весть сквайру, третьи — за ветеринаром для раненых лошадей.

Вскоре наш ветеринар мистер Бонд уже склонился над вороным, который лежал на поле. Ощупав коню ногу, мистер Бонд мрачно покачал головой.

— Нога сломана. Несите ружье, — велел он.

Один из слуг побежал в дом хозяина и вернулся с ружьем. Грянул выстрел. Вороной вскрикнул и замер навеки.

— Этот конь был породистым, смелым и добрым. Его звали Роб Рой, — всхлипнула мама.

Она больше никогда в жизни не ходила на ту часть луга, где разыгралась трагедия.

Несколько дней спустя мы услышали скорбный звук церковного колокола. Потом на дороге показалась повозка, обитая черной материей. В нее были запряжены черные лошади. За ней ехали другие повозки — тоже черного цвета. Мама мне объяснила, что это хоронят бедного Джорджа Гордона. Через некоторое время колокол смолк, и люди в повозках вернулись обратно. Только молодой Гордон остался на сельском кладбище. Больше ему уже никогда не пойти на охоту. Роб Роя тоже, наверное, похоронили. Только не знаю где. Вот что может произойти всего из-за одного зайца!

¹ С к в а й р — почетный титул в Англии.

ГЛАВА III

ОБЪЕЗЖЕННЫЙ КОНЬ

Я рос и хорошел на глазах. Белый чулок на передней ноге и белая звезда во лбу красиво оттеняли мою черную шерсть, которая стала теперь шелковистой и мягкой. Все окружающие восхищались моей красотой. Многие из хозяйских друзей мечтали меня купить, но хозяин пока о продаже не думал.

— Не люблю, когда детей или жеребят слишком рано заставляют работать, — повторял он.

Когда мне исполнилось, наконец, четыре года, на луг вместе с хозяином пожаловал мистер Гордон. Это тот самый сквайр, у которого погиб на охоте сын. Мистер Гордон долго смотрел на меня, проверил мне зубы, ощупал ноги. Потом хозяин попросил меня побегать. Я двинулся шагом, перешел на рысь, потом на галоп.

— Когда его объезжают как следует, должен получиться неплохой конь, — многозначительно поглядел на хозяина мистер Гордон.

Хозяин ему в ответ объяснил, что будет объезжать меня сам.

— Не хочу, чтобы такого замечательного коня кто-нибудь напугал на самых первых порах, — произнес серьезно хозяин.

Он не стал откладывать свое решение и на следующее же утро начал меня объезжать. Так кончилось мое детство. С того самого утра я считаю себя на службе.

Должен заметить, что стать хорошо обездуженным не такое легкое дело, каким оно представляется многим людям. Во-первых, совсем не просто после вольного и счастливого детства приучиться ходить под седлом и в уздечке, носить на спине любого, кто захочет на тебе ехать, и не выказывать ровно никакой раздражительности. Но и это еще не всё. После седла тебя учат ходить в упряжке. Поначалу это подлинное мучение. Сзади вас катится повозка или легкая бричка. Куда ни повернешь, она вас преследует, потому что ее к вам накрепко прицепили. Подобные вещи раздражают на первых порах даже самых выдержанных и спокойных из нас. Но шарахаться вам на службе никто не позволит. Беседовать с лошадьми за работой тоже нельзя. Брыкаться или кого-нибудь укусить — тем более. В часы службы ты должен забыть о своих желаниях и подчиниться воле хозяина. Даже если страшно проголодался — изволь потерпеть. Ни в коем случае нельзя во время работы ржать. Такое может сойти с рук разве что обыкновенным ломовым лошадям. У тех же, кто благородных кровей, такое поведение считается признаком невоспитанности. А самое неприятное, что, когда тебя во что-нибудь запрягут, нельзя ни лечь, ни попрыгать, ни порезвиться. Лишь вернувшись с работы, ты можешь на какое-то время забыть о службе и предаться всем этим простым, но таким милым радостям. Думаю, теперь всем понятно, что быть хорошо обездуженной лошадей и верно служить хозяину не так-то легко.

К тому времени как хозяин решил меня обездужать, я уже был немного приучен к уздечке. Правда, раньше